

#

Улыбка
на краю суеты

Виктор Сумин

#юмор

16+

Виктор Сумин
Улыбка на краю суеты

«Издательство «Союз писателей»

2017

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Сумин В. М.

Улыбка на краю суеты / В. М. Сумин — «Издательство «Союз писателей», 2017

ISBN 978-5-00073-710-1

О смысле жизни, человеческих отношениях, особенностях культуры и казусах, которые могут приключиться с каждым в самый обычный день, решил порассуждать на страницах нового сборника миниатюр Виктор Сумин. Книга «Улыбка на краю суеты» – это юмор, психология и философия в одном флаконе. Все компоненты жизненного, забавного и одновременно глубокомысленного коктейля подобраны в идеальной пропорции. Пришла пора узнать, как ворочать крупным капиталом, зачем кандидату наук шляпа, какие книги читают писатели и многое-многое другое. Если Вы всё ещё верите, что Ваша жена предпочтёт Вас самому большому мешку денег, а друг ни за что не сыграет с Вами злую шутку, самое время выяснить правду и получить искренние ответы на самые заковыристые вопросы.

УДК 82-32
ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-710-1

© Сумин В. М., 2017
© «Издательство «Союз писателей», 2017

Содержание

Жгучий вопрос	6
Шляпа	7
Деньги	8
Коррупландия	9
Удивительное изобретение	10
О косьбе	14
Будьте здоровы!	15
Будут и в нашем дворе слоны трубить!	16
Полу-Миклуха	17
Неожиданный результат	18
Об инноваторах	19
Бард	20
Метаморфозы	21
Отпосевал!	22
Комиссия	23
Делаем уроки!	24
Ломбард, или флешка для чиновника	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виктор Сумин

Улыбка на краю суеты

© Сумин В. М., 2017

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2017

* * *

Жгучий вопрос

Однажды Гавриковы, лёжа в постели, смотрели захватывающий фильм. Про любовь. Героиня фильма, как львица, металась между любовником с чемоданом денег и раненым мужем в горящем доме. Не понимая, кому отдать предпочтение.

– А представь себя на её месте. Если бы на дороге лежали мешок денег и я, шо б ты взяла? – спросил Гавриков супругу в духе момента. Вынося за скобки возможного любовника.

– Мешок денег, – ответила та, не задумываясь.

– Почему? – опешил Гавриков.

– Если б я взяла деньги, ты бы сам за мною побежал. Быстрее соседского Тузика... Ну, давай, шо ты, дура, стоишь! Мужика спасать надо! – крикнула жена героине фильма.

Героиня, словно услышав подсказку, схватила мужа и вытянула на улицу. Крыша рухнула у неё за спиной.

Жена с облегчением вытерла вспотевший лоб.

А Гавриков крепко надулся.

«Ишь, Жучка какая, – подумал он о жене. – Чужого мужика, выходит, спасать надо. Даже под угрозой жизни. А меня и в хорошую погоду лень с дороги поднять!».

Гавриков почувствовал, что его семейное счастье осело, как дом после землетрясения.

– И зря. Не стоит мешать искусство с жизнью. Это разные жанры. И у них разные законы, – сказал Гаврикову на приёме психотерапевт Бубликов.

Тот самый Бубликов, который, придя после работы домой, неожиданно спросил жену:

– Дорогая, а если бы на дороге лежали мешок денег и я, шо б ты взяла, а?

Шляпа

Всем хорошим интеллигент обязан шляпе. Именно благодаря шляпе его считают самым умным и самым воспитанным.

Эта мудрость мне была давно известна. Тем не менее, отношение к своей шляпе моего приятеля и сослуживца Петра Ивановича Морзикова меня просто поражало. Он холил и лелеял её как высшую ценность.

Иногда даже говорил с ней. В конце рабочего дня он, как правило, подходил к вешалке и, обращаясь к шляпе, спрашивал:

– Ну что, пойдём домой?

Шляпа, естественно, молчала.

– Молчание – знак согласия, – удовлетворённо говорил Морзиков и, бережно посадив шляпу на голову, шёл домой.

Если Морзикову случалось посетить какое-либо учреждение (библиотеку, скажем, или больницу), то в гардеробе он сдавал лишь свой плащ, а старенькую чёрную шляпу брал с собой.

– Чтоб не спёрли, – ласково пояснял Пётр Иванович, любовно оглаживая свою бесценную шляпу. И шляпа лоснилась от удовольствия, как сытая, довольная кошка.

Однажды Морзиков попал в автомобильную аварию. Придя в себя на носилках скорой помощи, он первым делом спросил:

– А где моя шляпа?

Как будто речь шла о кошельке с миллионом долларов. И лишь когда медработники положили шляпу Петру Ивановичу на грудь, он счёл возможным опять потерять сознание.

Всё время пребывания в больнице шляпа гордо возвышалась на прикроватной тумбочке Петра Ивановича.

– Почему ты так дорожишь своей шляпой? – спрашивали у него соседи по палате. Пётр Иванович от таких дурацких вопросов лишь отмахивался.

К счастью, ничего серьёзнее ушибов у Петра Ивановича не обнаружили, и через пару дней он вышел из больницы, блестя из-под шляпы весёлыми глазами.

Но то было в прошлом году. А пару месяцев назад Петра Ивановича сократили, и наши дороги разошлись. Но, как говорится, пути Господни неисповедимы.

Вчера утром я столкнулся со своим бывшим сослуживцем нос к носу. Он странным образом походил на бомжа. Хотя и в шляпе.

– Ну что? Как? Рассказывай! – кинулся я к нему.

– А что рассказывать? – пожал он плечами. – Хотел открыть своё дело. Наделал долгов и прогорел. Чтобы рассчитаться, пришлось продать дом, гараж и машину. И теперь я – гражданин мира, – неожиданным образом закончил он свою тираду.

– И куда ж ты идёшь? – спросил я.

– Так я уже пришёл, – ответил он и остановился на углу с протянутой шляпой. Прохожие стали небрежно бросать в неё мелочь.

Я обалдело уставился на бывшего учёного Петра Ивановича Морзикова.

– Шляпа в протянутой руке – самый надёжный источник инвестиций! Особенно в эпоху дикого рынка. Пока есть шляпа, не всё потеряно, мой друг! – подмигнул он мне.

И тут до меня дошло, почему Пётр Иванович так бережно относился к своей шляпе. Грубо говоря, просить милостыню можно и с протянутой рукой. Но ведь шляпа посolidнее и в неё больше влезает!

Вот что значит голова! Как точно всё рассчитал! Одно слово – кандидат наук. Не зря, выходит, диссертацию защитил.

Деньги

– Говорят, считать деньги в чужом кармане нехорошо. Но это как посмотреть. Сейчас свобода: хочу – считаю, хочу – нет. Давай вот, Михалыч, вместе посчитаем! – сказал мой друг Иван Петрович. – Сколько весит одна стодолларовая купюра? Ноль целых одну десятую грамма. А десять? Один грамм. То есть тысяча долларов в стодолларовых купюрах весят один грамм. Правильно? Правильно!

Идём дальше. А сколько тогда будет весить миллион? Один грамм умножаем на тысячу. Получается килограмм!

А миллиард? Умножаем опять на тысячу. Получается тонна! А если в рублях, то тридцать тонн. А кто наво..., тьфу, заработал два миллиарда, у того две тонны денег! А если в рублях, то шестьдесят тонн! А если четыре, то четыре тонны! В рублях – сто двадцать тонн! Сдуреть можно!

Это ж какие надо вилы, чтобы ими ворочать! Или грабли, чтоб грести! Адская работа! Такая и неграм на плантациях не снилась! Фуфайка не только изнутри, но и снаружи потом пропитается. Упаси бог так вкалывать! – подытожил мой друг, и я полностью с ним согласился.

Достав из своих карманов по лёгкой сторублёвке, мы пошли в магазин. Купили две бутылки пива да солёных орешков. Потом вернулись на лавочку и продолжили свои рассуждения о смысле жизни.

Тёплый осенний вечер старательно внимал нашим словам. И ничто нам не мешало. Ничто нас не отвлекало. Красота, да и только.

А тоннами денег пусть другие ворочают. Кто подурнее нас будет!

Коррупландия

Коррупционеры у нас есть. И немало. А вот своей страны у коррупционеров нет. Как нет ни герба, ни флага, ни гимна. Чтобы устранить эту вопиющую несправедливость, предлагаю создать специально для коррупционеров страну Коррупландию.

Предлагаю также и проект государственных символов.

Гербом коррупционеров должна стать мощная мохнатая лапа с пачкой долларов. Победно вздёрнутая вверх. Дают-то всегда «на лапу»!

Флаг должен быть коричневым. Не подумайте чего дурного. Коричневый цвет красноречиво говорит о том, что всё у них в шоколаде.

По нижнему краю флага – широкая белая полоса. Символ безупречного официального имиджа. И по ней коричневыми буквами должно быть написано кредо коррупционеров:

«Без приличной взятки
Мы лишь играем в прятки!».

Как говорится, «ку-ку» непонятливым.

Гимном Коррупландии должен быть записанный на диск шелест купюр.

«А какие слова у этого гимна?» – спросите вы.

А никакие! Когда шелестят купюры, слова не нужны. И даже опасны.

Как и всякая страна, Коррупландия должна иметь и свои границы. По периметру и на вышках нужно поставить часовых. Чтоб никто не нарушил суверенитет этой страны. Чтоб никто не мешал этим сильным и гордым людям. И чтоб они тоже никому не мешали. А главное, чтоб сбежать не могли.

Удивительное изобретение

Коллектив – это живой организм, у которого есть и своя голова, и своя задница. Чунди-ков, по единодушному мнению коллег, считался головой. Но слишком строптивой. Поэтому задница его и уволила. Ну, это если образно.

А если серьёзно, то рассуждать на данную тему Чундикову не хотелось. Тем более что через месяц после увольнения их научный центр попросту разогнали. Как скопище заигравшихся детей. И причина оказалась более чем весомой: учёные мешали серьёзным дядям делать деньги.

В здании научного центра открыли развлекательный комплекс «Обновление». Его владельцем стала та самая задница, которая уволила Чундикова. Задница, правда, носила мужское имя, хотя и довольно странное – Безбулдыкин Адам Ильич. Бывший горе-учёный, переродившийся с помощью своего тестя – чиновника – в крутого предпринимателя.

Чундиков оказался в патовом положении: он не знал, куда идти и что делать. Положение усугублялось тем, что сократили и жену Чундикова, Капитолину Марковну, кандидата филологических наук местного университета.

– Ну и куда мы с тобой теперь поплывём на утлом челне порядочности? – неожиданно витиевато спросила она Чундикова и, упав ему на грудь, разрыдалась.

«Мы» означало не только Чундикова и его жену, но и двух прелестных девочек Дусю и Тусю.

Осознав это, Чундиков впал в ступор. С упёртым в потолок взглядом он пролежал на диване три дня и три ночи. Но жизнь не сказка. В богатыря Чундиков не переродился, лежание облегчения не принесло.

Пришлось вставать и в кипе свежих газет, которые купила Капитолина, искать работу. Увы, учёные никому не требовались. Головы превратились в головёшки. Отходы от костра реформ. От бессилья Чундиков заплакал.

На следующий день он вместе с женой встал на учёт на бирже труда.

Чундиков оказался в низине жизни, покрытой густым туманом.

* * *

Впрочем, чем отличаются учёные от обыкновенных людей? Тем, что они не от мира сего.

Поэтому, немного успокоившись, ум Чундикова вернулся на свою привычную орбиту – на орбиту творческой мысли.

Дело в том, что уже около пяти лет Чундиков работал над созданием удивительного прибора – Определителя Реально Заработанного, сокращённо ОРЗ. Или реально сделанного (ОРС). Но это, согласитесь, звучит несколько хуже. Поэтому Чундиков твёрдо решил называть прибор ОРЗ и никак иначе.

Толчком к изобретению такого прибора послужило то, что учёным постоянно меняли принципы и системы оплаты труда. То по одной схеме начисляли, то по другой.

Вот Чундиков и решил создать такой прибор, который бы идеально точно определял реально заработанную бюджетником сумму и не зависел бы от ухищрений чиновников.

Самое волнительное заключалось в том, что прибор был почти готов. Требовалось решение лишь одной проблемки. Но это решение в голову Чундикову никак не приходило. Уже два года его старания были тщетны. Но, тем не менее, Чундиков не сдавался. Он думал, думал и думал.

И вот – свершилось! Решение проблемки явилось Чундикову во сне в виде его школьного учителя физики Самуила Яковлевича Гошкенберга, которого за глаза все ученики называли весьма символично – Herr Pojmjosch¹.

Потому что Самуил Яковлевич был буквально помешан на своём предмете и всегда старлся рассказать обо всём сразу. От этого его объяснения были довольно путанными и часто малопонятными.

Так вот, Самуил Яковлевич пришёл к Чундикову во сне и дал какую-то бумажку.

– Тебе передали, Гриш! – сказал он и исчез.

Чундикова хотел спросить, кто, но не успел. Он развернул бумажку. Там было решение проблемки. От неожиданности Чундикова проснулся. Но формулу запомнил. Он тут же записал её дрожащей рукой в блокнот, который всегда лежал на прикроватной тумбочке.

Через неделю прибор был готов. Он представлял собой подобие градусника со шкалой до ста пятидесяти единиц. По идее включённый прибор нужно было поднести к работнику, и индикатор тут же должен высветить процент выработки и сумму заработанного.

Чундикова поднёс прибор к себе и включил его. Индикатор зашкалил за сто пятьдесят единиц. Это означало, что он, Григорий Петрович Чундикова, создал гениальное изобретение. То есть произвёл нечеловеческую работу.

Тут же высветился денежный эквивалент – миллион долларов. Размер Нобелевской премии.

Дальнейшие действия Чундикова походили на действия ребёнка, в руки которому попала интересная игрушка. Он начал измерять сумму реально заработанного у всех домочадцев.

У кота Гергуши заработок равнялся нулю. И это неудивительно: целыми днями он лежал в кресле без движения, как огромная чёрная шапка.

У жены, которая из пары пустяков готовила обед, сумма заработанного составила девятьсот пять рублей шестьдесят копеек.

У пришедших со школы Дуси и Туси – два и три рубля соответственно. Как только прибор это показал, девочки в один голос заревели: они получили двойки за сочинение.

Чундикова был в восторге. Прибор работал как часы.

* * *

Чтобы дать своему детищу ход, Чундикова стал обивать пороги различных учреждений. И всюду его встречали хорошие, открытые для взяток люди. То бишь чиновники. Но, увы, дать им было нечего. Кроме кукиша, естественно. Поэтому и футболили они его от всей души. Развлекались как хотели.

И всё-таки до министра Чундикова дошёл. Им оказался молодежавый мужчина с внимательными глазками и интересной фамилией – Нетудысуйко Филипп Петрович.

– Слышал, слышал, про Ваш чудо-прибор! – бодро начал министр, едва Чундикова зашёл в кабинет. – И что же Вы хотите?

– Поставить прибор на службу государству, – произнёс Чундикова заранее заготовленную фразу.

– Похвально, похвально, – пробарабанил министр пальцами по столу. – А не могли бы Вы показать действие Вашего прибора на сотрудниках нашего министерства?

– Мог бы, – растерянно сказал Чундикова. Честно говоря, он не ожидал такого поворота событий.

– Вот и ладненько. Пойдёмте, протестируем весь отдел, – министр поднялся из-за стола, и они пошли по кабинетам.

¹ Господин Поймёшь (нем.).

Казалось, Жар-птица успеха была уже у Чундикова в руках. Но тут случился элементарный облом: прибор забарахлил. Он всем показывал одну и ту же сумму заработанного – сто рублей.

Чундиков краснел, бледнел, бормотал извинения и порывался уйти. Но министр настоял на полном проведении замеров. Более того, после тестирования сотрудников он пригласил Чундикова в свой кабинет.

На ватных ногах Чундиков пошёл. Он чувствовал себя шарлатаном.

В кабинете министра Чундиков стал истово извиняться:

– Вы простите, но я это... того...

– Да бросьте Вы, – отмахнулся министр от назойливых оправданий. – Ваш прибор исправен. Просто сегодня сотрудники неважно сработали. А изобретение Ваше мне понравилось. Оно идеально вписывается в нашу концепцию нанотехнологий. Мы его сразу же запустим в серийное производство. Но при одном условии.

– Каком? – напрягся Чундиков.

– Если объём реально заработанного чиновниками прибор будет в двадцать раз увеличивать, а объём реально заработанного бюджетниками – в двадцать раз уменьшать.

– Почему именно в двадцать? – опешил Чундиков.

– Для соблюдения принципа амбивалентности, – туманно пояснил министр. – Поверьте мне на слово, у чиновников хлопот хватает и без этого чудо-изобретения, – добавил он.

– Извините, а как же один и тот же прибор может показывать по-разному?

– А Вы предоставьте два. ОРЗ-1 будет учитывать якобы реальный заработок чиновников, а ОРЗ-2 – бюджетников.

– Но ведь это обман, – не сдержался Чундиков.

– Зачем же так резко? – приподнял министр левую бровь. – Просто дифференцированный подход, не более того. Впрочем, если Вы не согласны, то я Вас не держу.

– А можно я подумаю? – робко спросил Чундиков.

– Конечно, – сухо ответил министр и нажал кнопку на столе.

В кабинет, блистая длинными ногами, вошла молоденькая секретарша.

– Оксана Марковна, дайте Григорию Ивановичу наш телефон. Он завтра в первой половине дня Вам позвонит. А Вы мне потом сразу же доложите.

– Хорошо, Филипп Петрович, – с готовностью проговорила секретарша.

– До свидания, – попрощался Чундиков с министром и последовал вслед за Оксаной.

Короче, когда к утру Чундиков очнулся то ли от яви, то ли от сна, решение у него вызрело. Он позвонил в министерство и сказал:

– Я согласен.

В тот же день Чундикова назначили руководителем Нанотехнологического центра «Аут».

* * *

Пару месяцев спустя во всех бюджетных организациях страны были поставлены стационарные приборы ОРЗ. После рабочего дня каждый работник проходил через прибор, как через металлоискатель в аэропорту. Индикатор чётко указывал объём выполненной работы и сумму реально заработанного.

Всё было точно, как в аптеке, поэтому спрашивать с власти повышения зарплаты бюджетники прекратили. Им было нестерпимо стыдно за свою неумелость в жёстком формате рыночных отношений.

А если всё же кто-то заикался о достойной зарплате, то ему резонно отвечали:

– Как работаете, так и живёте!

И оспорить это было фактически невозможно. С наукой не поспоришь.

– Вот когда результативность труда бюджетников сравнится с результативностью работы чиновников, тогда и можно будет говорить о возрождении страны и хорошей жизни для всех, – сказал по телевидению в своём выступлении министр нанотехнологий Филипп Петрович Нетудысуйко. – В противном случае разговоры на эту тему являются обыкновенной демагогией и ничем не обоснованным популизмом.

Возразить министру было нечем.

Что касается Чундикова, то он зажил на широкую ногу. У него даже служебный автомобиль с личным шофёром появился.

Единственное неудобство – совесть иногда донимала. Ну да тут главное перед ней не заискивать. И всё будет нормально.

И ещё: в последнее время Чундикову стало казаться, что и не голова он вовсе в новом коллективе, а нечто другое. Но это уже совсем чепуха, о которой и говорить не стоит.

О косьбе

Чтобы не идти в армию, Константин Касьянович Косых закосил под ненормального. Работники психдиспансера, куда его положили на обследование, закосили под порядочных.

Константин Касьянович Косых сунул психиатрам пару косых. Этим он скосил все сомнения врачей под корень. Они дали заключение, что он не косит.

Вот как надо косить!

Будьте здоровы!

Сегодня на общешкольной линейке неистовствовала Лидия Павловна, организатор внеклассной работы. Высокая и ребристая, как Эйфелева башня.

Её возмущённый голос летал над головами учеников, словно неукротимый буревестник.

– Как вам не стыдно! Я ведь вам ещё две недели назад говорила, что каждый класс должен придумать и сделать хотя бы одну настольную игру.

Неужели это так трудно? Ведь придумал же кто-то шахматы и шашки...

А частушки? Вы должны были сочинить частушки на тему борьбы с алкоголизмом и наркоманией. Где они? В почтовом ящике конкурса мы обнаружили лишь одно четверостишие неизвестного автора:

«Нам не надобно давно
Ни наркотик, ни вино.
В нашей школе можно ведь
От нагрузок обалдеть».

И всё. Надо ещё разобраться, кто так безответственно шутит на такую серьёзную тему. Здесь пахнет, извините, не тем, чем надо.

Далее. Вы должны принять участие в акции «Если бы президентом был я». Через два дня каждый класс, начиная с пятого, должен представить план выхода России из системного кризиса. Но это должно быть не просто перечисление мероприятий, а аргументированные предложения.

Нам предстоит также провести в ближайшее время экспедицию «Ум, честь и совесть нашей эпохи – где они сейчас?». По результатам экспедиции оформить альбом. Обязательно с фотографиями.

В четверг мы должны сдать в районо плакаты в защиту окружающей среды. Конкурс плакатов проходит под девизом «Ты ещё жива, моя природа? Жив и я, привет тебе, привет!». Тема очень актуальна и мы не можем её проигнорировать.

В пятницу, после шестого урока, для учащихся старших классов организуется диспут «Что в образе тебе моём?». По картине Малевича «Чёрный квадрат».

Да, во всех классах не забудьте провести беседы о вреде суицида.

Сидоров, тебе что, плохо? В глазах потемнело? Посадите его, пожалуйста. Вон на тот стульчик.

И тебе плохо, Иванов? Говоришь, голова кружится? Да вы что, сговорились? Посадите его рядом с Сидоровым.

Вот видите, как много мы ещё недорабатываем. Особенно в пропаганде здорового образа жизни.

Поэтому, наверное, есть смысл провести сегодня после шестого урока беседу о здоровом образе жизни. А завтра мы проведём на эту тему двухчасовую викторину. Ну и что, что у вас семь уроков? Значит, проведём после седьмого. Ведь без здоровья, как говорится, ни туда ни сюда.

Жаль, что многие этого всё ещё не понимают.

Будут и в нашем дворе слоны трубить!

Проработав год охранником на одном из предприятий, Санёк рассчитался. Трудно. Ну-ка, простой восемь часов на ногах. Да ещё ночью. Да ещё при такой зарплате. И в общежитии не отдохнёшь. Честно сказать, давно оно уже в общепитие превратилось. Короче, рванул Санёк назад, в деревню. В родительский, так сказать, дом. Душа отдыха требовала.

А в деревне-то красота! Солнышко светит и тишина необыкновенная. Как в раю. Да ещё младший брат Ванёк птичек разводить взялся. Яйца курам в гнёзда подкладывает и приговаривает:

– Ничего, будут и из нашего коробка цыплята выглядывать.

И точно: через месяц куча цыплят вывелась. Братишка вокруг них и засуетился.

– Хозяйство, – говорит, – хочу завести. Помогать будешь?

Ну как не помочь брательнику? Работа ведь плёвая: пшеница сыпни да водички налей.

А Ванёк дальше свою линию гнёт:

– Ничего, братишка, будут и у нас уточки крякать!

И правда. На следующий день привёз сто штук с базара.

Заулыбался Санёк. Похвалил брата за коммерческую жилку.

А Ванёк своё:

– Это ещё не всё, Санёк. Будут у нас ещё гуси гоготать!

Накупил яиц, включил три инкубатора, и процесс пошёл. Короче, вывелось около ста двадцати голов. Пять стад. Тут уже потруднее дела пошли.

А Ваньку этого мало.

– Выше голову, Санёк! Будут и у нас поросятки хрюкать!

И точно! Через три дня привёз. Пять штук!

А сам-то механизатором работает. Приезжает с работы поздно. Пришлось Саньку за двоих вкалывать. Не приседая.

А Ванёк на своём стоит:

– Ничего, Санёк, прорвёмся! Будут и с нашего двора страусы выглядывать!

И что вы думаете? Привёз! Двух штук. Самца Гошу и самочку Мусю. Специально машину нанимал. Фургон.

Тут уж к заботам и опасения примкнули. Гоша-то злюкой оказался. Всё норовил Санька в темечко клюнуть. Однажды это ему удалось. И Санёк отрубился. Моментально. Короче, скорую вызывали. Еле отходили.

А Ванёк свою линию гнёт:

– Выше голову, Санёк, будут и в нашем дворе слоны трубить. Главное – не отчаиваться!

Он, конечно, может, и пошутил на этот раз, но Санёк понял, что надо смываться. От греха подальше. Иначе – кранты.

Утренним автобусом он уехал в город. Охранником работать. На две ставки. А отдыхать Санёк как-то между сменами наловчился.

Полу-Миклуха

Моему соседу Григорию Фёдоровичу недавно шестьдесят пять стукнуло. Но для своих лет он выглядит довольно молодо.

Может быть, потому, что слывёт он человеком чудаковатым. А такие, как известно, над жизненными проблемами не очень-то задумываются. Поэтому морщин у них, как водится, меньше, чем у нормальных.

А, может, как утверждал сам Григорий, потому, что всю жизнь на капусту и мёд «налегал».

Несмотря на его возраст, сельчане называли Григория Фёдоровича просто Гоша. Или совсем уж удивительно – Полу-Миклуха.

Однажды на лавочке я спросил его:

– Григорий Фёдорович, а откуда у тебя такая интересная кличка – Полу-Миклуха?

– Ну ты ж, ясное дело, знаешь, кто такой был Миклухо-Маклай.

– Путешественник.

– Ну вот в честь него и назвали.

– Почему? – удивился я.

– Потому что при Советском Союзе я очень любил на поездах путешествовать. Билеты-то дешево стоили. Пойдёт жинка к соседям на лавочке посидеть, а я деньги из загорелого возьму – и в райцентр. На вокзале билет куплю и – фьють, тока меня и видели.

– И куда ж ты ездил?

– А куда в голову взбрёт. В Воронеже был, в Кисловодске, в Липецке. Даже в Москве!

– Ну и как? Понравилась тебе Москва? На Красную площадь, небось, ходил?

– Не, никуда не ходил. Больно там людей много. Боялся потеряться. На вокзале переночевал – и назад.

Ну, тут я и понял, почему Гошу Полу-Миклухой называли. Миклухо-Маклай ведь путешествовал и те места, где бывал, исследовал. А Гоша только путешествовал. На ближайшее знакомство духу не хватало.

Так что Полу-Миклуха и есть. Как говорится, ни убавить ни прибавить.

Неожиданный результат

Однажды статистическая служба Великогорска совместно с психологами и медиками города провела интересное исследование, желая выяснить, кто понёс самые большие моральные потери в результате недавнего экономического кризиса.

Первичный отбор кандидатов вёлся весьма просто: по внешнему виду. Отбирали самых удручённых.

Потом проводили опрос. После опроса психологи и медики изучали состояние потерпевших: снимали кардиограмму, определяли силу нервного потрясения, изменения в работе внутренних органов.

И как вы думаете, кто пострадал больше всех?

Нет, не Буреломов Михаил Кузьмич, который потерял без малого пять миллионов рублей.

Не Чвирькин Владимир Иванович, который был вынужден распрощаться со своим университетом.

И даже не Огогошкин Алексей Алексеич, заложивший свою виллу на Канарах, чтобы рассчитаться с долгами.

Самое большое нервное потрясение испытал Плошкин Иван Николаевич, у которого полгода назад судебные приставы забрали новёхонький мерседес. И не наяву забрали, а во сне. Ибо наяву у Ивана Николаевича никогда даже велосипеда не было.

Об инноваторах

Сейчас всё вокруг забито инновациями, от которых один вред и никакого толку. Почему? Да потому что инноваторы подают лишь идеи, не имея никакого отношения к их реализации.

Да и ответственности за свои новшества они, к сожалению, тоже не несут. Поэтому все инновации направлены лишь на усложнение нашей и без того нелёгкой жизни.

Носят, скажем, грузчики пятидесятикилограммовые мешки, а инноватора, который за всем этим наблюдает, осеняет вдруг «умная» мысль.

– Лучше всего носить по шестьдесят килограммов! – кричит он. – Пользы больше будет. И верно!

Выбиваясь из последних сил, грузчики начинают носить шестидесятикилограммовый груз. А куда деваться? Работу ведь терять не хочется. Кусок хлеба, как-никак.

А вот если б такому инноватору сказали:

– Хорошая мысль! Присоединяйся!

Ощутил бы инноватор на своём горбу груз своей инновации, и его креативная мысль, как встревоженная мышка, побежала бы совсем в другом направлении.

Скорее всего, он пришёл бы к неожиданному выводу:

– Как ни крути, а лучше всего носить по десять килограммов! Или даже по пять!!!

И уж поверьте моему слову, инноватор прекрасно мог бы своё решение обосновать. Дураков ведь даже среди инноваторов нет.

Такие вот дела, господа. Пробуйте свои «озарения» на своём же горбу. И жизнь в стране, как пить дать, наладится. А куда ей тогда деваться?

Бард

Вчера на улице ко мне подкатил «Мерседес», и из него вышел... Кто, как вы думаете? Вася Брендяйкин! Мой старый школьный приятель. Вместе с уроков пения сбегали.

Впрочем, назвать его Васей сейчас язык не поворачивался: смокинг и чёрная гитара придавали ему весьма артистичный вид.

– Ты кто, новый русский или артист? – спросил я после бурных объятий.

– Бард! – с нескрываемой гордостью поведал он. – Был новым русским, да надоело. Деньги – цель, деньги – средство, деньги – среда обитания. Душа сохнуть начала. Да и народ спасать надо. Засосёт его бескультурье, народец-то. Вот и потянуло на песни. Сам сочиняю, сам пою. О наболевшем, как говорится.

– Как же так? – опешил я. – У тебя ж по литературе двойка с минусом была, а в пении ты «до» от «дзюдо» не отличаешь.

– А мне это и не нужно, – снисходительно пояснил Брендяйкин. – Я ведь не простой бард, а коммерческий.

– Как это? – не понял я.

– Ну если писатель, к примеру, книгу свою на коммерческой основе издаёт, то он за это платит.

– Не улавливаю связи, – наморщил я лоб.

– А тут и улавливать нечего. Писатель платит за издание книги, а я – за то, что меня слушают.

– Так это ж чепуха на постном масле. Нелепица, – не удержался я.

– Ещё как лепится, – парировал Брендяйкин. – Ты бы посмотрел, сколько всегда народу на мои выступления набивается. Полные аншлаги. Посуди сам: разве можно внимать такому с равнодушием?

Брендяйкин взял несколько аккордов и завыл:

«Я певчий пёс, худа моя будка.
Я народу нужен, как больному утка!».

Действительно, без дрожи слушать это было невозможно.

– Постсоветский реализм, в натуре!

Сходство Брендяйкина с воющим псом оказалось стопроцентным. Вот только насчёт будки он поскромничал: будка у него была не худая, а очень даже широкая. Хоть поросят об неё бей. Всем колхозом.

– А сколько ты публике платишь? – осведомился я.

– По-разному, – скромно потупив взгляд, ответил Брендяйкин. – Всё зависит от длительности слушания. Но не больше сотни на нос. Иначе разориться можно... Ну пока, – заторопился он, глянув на часы. – Через десять минут я на большой арене выступаю.

Он сел в «Мерседес» и рванул со своим помощником в сторону стадиона, где уже толпилось огромное число почитателей его таланта.

«Да, – подумал я. – До тех пор, пока в России есть такие люди, как Брендяйкин, искусство не умрёт. Несмотря ни на какие реформы. А может, даже благодаря им».

Метаморфозы

Когда-то обезьяна превратилась в человека. В свинью или собаку она не могла превратиться по определению. В крокодила тоже. Да и сейчас не может.

Иное дело человек. Он может превратиться в кого угодно. Вот и думай, кто выше: человек или обезьяна.

Малявину такие мысли в голову не приходили. Поэтому он жил, как все. Особо не задумываясь.

В детстве резво гонял по улицам. Как жеребёнок.

Когда учился в школе, много мечтал. И чувствовал себя птицей: летал в заоблачных далях.

Потом поступил в университет. Учился, ходил в театр, читал книжки. Он ощущал себя молодым скакуном на старте.

Потом женился. И превратился в слона. Таскал всё в дом.

Потом, став безработным, он превратился в совсем другое животное. Целыми днями лежал перед телевизором, и ничего ему не было нужно. Лишь заглотить очередную порцию немудрёной еды и лечь у телевизора, впитывая полусонным разумом разную дребедень, которая была очень далека от жизни. Он понимал, что превратился в питона. То есть в гада.

И по другую сторону экрана делали всё возможное, чтобы он таковым и оставался.

Отпосевал!

Больше всего пятиклассник Гриша Горошкин любил старый Новый год.
Не праздник, а сказка.

Бери пакет – и заходи в любой дом. Посевай себе на здоровье сколько хочешь. В прошлом году он целую тыщу напосевал. Не считая мелочёвки: конфет да пряников.

На этот раз Гриша ждал праздника с особым нетерпением. И на то были свои причины. Короче, будильник он поставил на семь.

И не проспал! Утром, едва выскочив на заснеженную улицу, Гриша увидел: в доме учителя английского языка Ивана Петровича Сомова горит свет! Гриша поспешил на огонёк.

Впустила его жена учителя, Галина Васильевна. Прямо с порога Гриша начал разбрасывать пшеницу, бодро приговаривая:

«Сею, вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю!
С Новым годом поздравляю!
Счастья, радости желаю!».

Отбарабанив стих, Гриша намеренно медленно пошёл прочь.

– Подожди! – закричала вслед Галина Васильевна. – Возьми вот шоколадку.

И тут Гриша выдал заветные слова:

– Не надо. Скажите лучше Ивану Петровичу, пусть он мне по английскому пять поставит.

После этих слов Гриша вышел на крыльцо и с облегчением закрыл за собою дверь. Самое главное он сделал: сказал. Оставалось одно – ждать результата.

Комиссия

Из цикла «Что за прелесть эти сказки»

В одну из лесных школ, точнее, в птичью гимназию нагрянула комиссия. Чтобы проверить состояние учебно-воспитательного процесса и наметить пути его модернизации.

Учителя и ученики – птички всех мастей – дрожали на своих веточках от волнения и страха: уж больно представительный состав был у этой комиссии.

Судите сами. Среди проверяющих был Долбун Раздолбаевич – дятел, профессор, автор известной монографии «Долбёжка – единственный путь к истине и успеху».

Упряма Антоныч – баран, долго живший за границей леса, у фермера, с которым он был, по его словам, на короткой ноге. Хотя злые языки утверждали, что на «короткой палке». Отчего баран и сбежал. Тем не менее, достаточно долгое общение с людьми было его козырем. В научной среде он считался непревзойдённым интеллектуалом и психологом.

Колюч Терентыч – ёж, известный в педагогическом мире своим колючим характером и неуступчивостью. Персона некомпетентная, но принципиальная.

Возглавлял комиссию Копун Иванович Землеройко – крот. Его авторитет в области образования был непререкаем. Говорят, он копал под самого министра Топтыгина.

Птичьи опасения оказались не напрасными. Ознакомившись с учебно-воспитательной работой, комиссия раздолбала эту самую работу в пух и прах.

– Как это так? – неистовствовал Колюч Терентыч. – Среди ваших выпускников за всё время существования школы нет ни одного с колючками. Вы не воспитываете в своих учениках колючесть – пожалуй, главное качество в свете сегодняшней гуманизации нашего общества.

– И что это за подход к делу? Вы учите птенцов летать и петь своим голосом, – вторил коллеге Долбун Раздолбаевич. – Без всякой долбёжки-зубрёжки. Это же форменное безобразие. Я тут провёл тестирование: ни один ученик не смог выдолбить простого дупла. Какие уж тут полёты. И зачем они нужны, если ученики не могут выполнить самого элементарного...

– Безобразие! – громыхал Упряма Антоныч. – Среди учебно-методических пособий нет «Новых ворот»?! А ведь только созерцая их, можно сформировать у себя передовое мировоззрение. За границей ворота находятся на самом видном месте!

– Да, – зловеще тихим голосом проговорил Копун Иваныч. – Эта школа, пожалуй, самое слабое звено в нашей системе образования. Да и сам профиль школы, кажется мне, выбран крайне неудачно. Летать и петь своим голосом – разве этому надо учить в наше время? Конечно же, нет. Надо все силы коллектива бросить на обучение птенцов копанию. О какой воспитанности может идти речь, если никто ни под кого не копает? Я вот недавно был в творческой командировке за Бугром, так вот там копают все. Друг под друга и вообще. Поэтому и живут лучше. Перед каждым жилищем – горы земли! А что у вас? На всю школу – ни одной кучи. Вот вам и улучшение материально-технической базы. Откуда ему быть, если вы сами для этого и лапками не шевелите?

Директор школы, филин Ух Фёдорович, лишь сокрушённо ухал, не находя что сказать.

Да его никто и не собирался слушать. Завуч, воробьяха Чирик Петровна, вертела от стыда хвостиком, не зная, куда его преклонить.

– На коллегии мы обсудим положение дел в вашей школе и сделаем соответствующие выводы, – багровея, добавил крот, и, не попрощавшись, комиссия удалилась.

– За что весь этот стыд и позор? – недоумевали птички-педагоги. – Мы ведь и так не покладая крыльев работаем.

Через некоторое время птичью Лётно-певческую гимназию переименовали в Нововоротский лицей долбёжки и копания и прислали нового директора – Упряма Антоныча. Барана.

Делаем уроки!

В шесть часов вечера мама сажает Додика делать уроки. Додику шесть с половиной. Он первоклассник, но уже с характером.

– Бабушка! – кричит он. – Иди ко мне! Помогать будешь!

– Так ты же с мамой занимаешься, – говорит бабушка.

– Не, иди ты. С мамой у меня никаких нервов не хватит!

Однако довольно скоро выясняется, что и с бабушкой у Додика не всё ладится. Они начинают с письма. Но буквы, которые старательно выводит Додик, оказываются своенравными: они получаются то слишком толстыми, то слишком худыми. Совсем не такими, как в прописях. Никакой красоты. Додика это выводит из себя.

Наконец он не выдерживает, бросает ручку и ревёт во весь голос: ы-ы-ы...

– Додя, не плачь, – суетится бабушка. – Погладь вот кота. Успокаивает.

Внук начинает недоверчиво гладить Мурзика. Через пару минут Додик и впрямь успокаивается и... дописывает буквы. Первый рубеж взят!

Вообще-то домашних заданий как таковых в первом классе нет. Дети просто дописывают то, что не успели сделать на уроке. А не успевают они порядочно. Отсюда и домашние страдания, то бишь задания...

Следующая на очереди – математика.

– В са-ду по-са-ди-ли пять яб-лонь и две вишни. Сколь-ко все-го де-ревь-ев по-са-ди-ли? – читает по слогам Додик. Потом на мгновение задумывается и выдаёт правильный ответ:

– Семь!

– Молодец! – говорит бабушка. – Вот и запиши: семь деревьев.

– А ничего задачка, – говорит довольный Додик. – Развивает ум.

Он склоняется над тетрадкой, пишет ответ.

Бабушка с мамой на цыпочках отходят. Кажется, всё. Но не тут-то было.

– Давайте кота! – кричит Додик. – Я ошибся. Увы, кота поблизости нет. Очевидно, энергичные поглаживания Додика ему не понравились, и он решил смыться. От греха подальше.

Вся семья бросается на поиски Мурзика. И мама, и бабушка, и только что пришедший с работы папа.

А как иначе? Ведь домашние задания – дело общесемейное. И отлынивать тут никто не может. Даже кот.

Ломбард, или флешка для чиновника

Вот в той стране, о которой я сейчас говорю, порядок идеальный! Нам до такого далеко. Там чиновники обещаниями направо-налево не бросаются. Почему? Да потому, что специально для них ломбард построили.

Все обещания, которые во время предвыборной кампании даёт избирателям тот или иной кандидат на должность, записываются на специальную флешку. Причём каждое обещание – отдельным файликом.

Потом флешка сдаётся в ломбард. Если кандидата избирают, то он в течение всего срока нахождения в должности обязан реальными делами выкупить эту флешку. Выполнил одно обещание – стёрли его с флешки. Выполнил другое – и другое стёрли.

В результате флешка становится чистой, как карман бюджетника. Тут-то её чиновнику и возвращают.

Если чиновник выкупает флешку к концу своего срока, его смело можно выбирать и на второй. Если нет – извините, всё его добро конфискуется. За нанесение гражданам морального ущерба.

Такому деятелю присваивают весьма непочётное звание «Чиновник с истекшим сроком годности». И посылают на... общественные работы.

Недавно на них отправили Морея Ивановича Пустоплясова. На ассенизаторской машине теперь вкальвает. По двенадцать часов в сутки. И прокликает тот день, когда он, не подумав, сунулся на высокую должность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.